

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Дмитрий Силлов

НИКТО НЕ УЙДЕТ

Дмитрий Олегович Силлов
Никто не уйдет
Серия «Пикник на обочине»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272238

Дмитрий Силлов. Пикник на обочине. Никто не уйдет: Москва; АСТ; 2014
ISBN 978-5-17-085018-1

Аннотация

Рэдрик Шухарт пожелал «счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». Но его желание обернулось большим горем для жителей Хармонта. Город оцеплен воинскими подразделениями, отгорожен от остального мира колючей проволокой. Люди с признаками мутаций отправлены в лаборатории для научных исследований. И, вдобавок ко всему, в развалинах старого завода вновь активизировалась одна из самых загадочных аномалий Зоны – «Бродяга Дик», грозя выбросить в мир людей запредельный ужас иного мира.

Но из иномирья приходит не только непобедимое зло. В Зоне Хармонта появляется «побратим смерти», сталкер по имени Снайпер. Смертельно раненный, но непобежденный... Сможет ли он выжить и помочь Шухарту вернуть гражданам Хармонта их город? Сложный вопрос, и очень непростая задача даже для опытных сталкеров. Ведь их могущественный враг уже давно решил, что непокорных ждет лишь одна участь: никто не уйдет из Зоны живым.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Силлов

Пикник на обочине. Никто не уйдет

Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных Зон...

Аркадий и Борис Стругацкие. «Пикник на обочине»

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.О. Силлов

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ» и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ», за поддержку и продвижение проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над данным романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru; Алексея Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Сергея «Ион» Калинцева, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за помощь в интернет-продвижении проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»,

а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
S.T.A.L.K.E.R. Закон Снайпера
КРЕМЛЬ 2222. Юг
S.T.A.L.K.E.R. Закон Меченого
S.T.A.L.K.E.R. Закон наемника
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон Дракона
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Счастье для всех
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет

**Из интервью, которое специальный корреспондент
Хармонтского радио взял у доктора Валентина
Пильмана по случаю номинации последнего на
вторую Нобелевскую премию по физике за 20... год**

– Итак, доктор Пильман, хотел бы прежде всего поздравить Вас с номинацией. Как я понимаю, не исключено, что вы станете пятым дважды лауреатом Нобелевской премии за всю историю человечества. И это вполне заслуженно. В свое время я спрашивал вас, не хотите ли вы вплотную заняться чудесными предметами, которые находят в Зонах Посещений. Вы ответили «Пожалуй» – и вот результат, вторая Нобелевская премия. Ваши исследования во всех шести Зонах поистине...

– Давайте обойдемся без дифирамбов. Во-первых, от номинации на премию до ее вручения примерно как от Земли до альфы созвездия Лебедя. И, во-вторых, лично я считаю, что практически все мои исследования не стоят и ломаного цента. Мы до сих пор не знаем истинной причины появления Зон на нашей планете. Мы понятия не имеем, что представляют собой на самом деле все эти «пустышки», «ведьмины студни», «черные брызги» и прочие загадочные предметы, которые мы, ученые, называем «материалом» и над тайной которых бьемся уже не первый год. При этом до сих пор ученые всего мира не получили ни единого внятного ответа на кучу вопросов, связанных с ними. Да, мы используем эти артефакты во благо человечества, некоторые из них даже научились клонировать, но что они такое и откуда взялись, до сих пор загадка.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Премии такого уровня не вручают просто так.

– Не смешите меня, юноша. Я всю свою жизнь посвятил науке и, по крайней мере, научился объективно оценивать результаты моих исследований. Так вот, я считаю, что мы по-прежнему ничего не знаем о Зонах. Ни-че-го, кроме того, что они смертельно опасны и, словно поля, отравленные радиацией, исправно приносят урожай в виде странных предметов, многие из которых смертельно опасны для человека.

– Ну, дорогие хармонтцы, думаю, вам не нужно напоминать о феноменальной скромности нашего доктора, которая равна его достижениям в науке. Кстати, не могли бы вы объяснить нашим слушателям, что вы имели в виду, говоря об урожае, который Зоны исправно приносят? Разве артефакты это не предметы, оставшиеся после Посещений на зараженных землях?

– Именно так. Когда первые исследователи перешагнули границы Зон, они наткнулись на эти самые артефакты. И, естественно, утащили их с собой. С тех пор этот процесс продолжается непрерывно. Согласно статистике, и ученые, и сталкеры в совокупности за первый год после Посещения вынесли из шести Зон, разбросанных по планете, около пяти тысяч артефактов. В

настоящее время эта цифра выросла до пятидесяти-шестидесяти тысяч в год. Такое впечатление, что чем больше загадочных предметов выносятся из Зон, тем больше их становится.

– Удивительный факт, удивительные цифры. Господин Пильман, и все-таки, не могли бы вы хоть немного приоткрыть завесу тайны перед нашими слушателями? Как вы думаете, какова причина того, что сколько бы из Зон Посещения не выносили артефактов, они возрождаются вновь в еще большем количестве? Хотя бы предположение?

– По меньшей мере неразумно, и в корне непрофессионально тыкать пальцем в небо, не имея хотя бы малейших объективных зацепок. Поэтому пусть меня лишат номинации на премию, но я отвечу честно – не знаю. Я не имею ни малейшего понятия, почему из года в год артефакты в Зонах множатся, словно грибы после радиоактивного дождя. И вряд ли смогу порадовать вас решением этой загадки в ближайшее время, так как за годы наших исследований мы даже на дюйм не приблизились к ней. Как, впрочем, и к многим другим необъяснимым загадкам, которые Зоны Посещений преподносят нам чуть ли не каждый день.

Глава 1

Слепые кварталы

*Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка – «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны...
Аркадий и Борис Стругацкие. «Пикник на обочине»*

Если хорошенько вдуматься, то жизнь наша изрядно похожа на «пустышку». Есть в ней два заметных момента, яркие такие, словно начищенные медные блюдца известного артефакта, который еще называют «гидромагнитной ловушкой» или «объектом семьдесят семь-бэ».

Первый – это когда ты рождаешься, и маячит перед собой пятно света в форме такого вот блюдца.

И последний, когда помираешь. Сталкеры, которые были на грани, но вернулись, говорили, что тоннель сверкающий видели. Ну, в общем, тема известная.

А между этими блюдами – ничего. Пустота. Хоть руку туда суй, хоть башку свою шибко умную. Все равно там пусто. А то, чем ты пытаешься ту пустоту заполнить – временно, и не имеет никакого значения. Уж для «пустышки» точно.

Но бывают исключения.

Это когда тебе везет несказанно, и ты находишь «объект семьдесят семь-а». Тоже «пустышку», только полную, с какой-то синей начинкой внутри, переливающейся величаво так, со значением. Кажется, присмотрись повнимательнее – и ухватишь что-то очень важное для себя, смысл бытия постигнешь, поймешь, чего ради живешь на этом свете...

Многие глядели. Лакмусовые бумажки совали. Потом руки. Даже головы. Так и не понял никто, что там за сияние такое. Ну колышется, ну переливается. И ничего более. Никакого нет в нем особого смысла и принципиального отличия от обычной пустоты. В общем, всё как в жизни. Один только манящий свет, а на деле – ничего.

А Кирилл Панов за «полную пустышку» жизнь свою отдал. За мечту. За сияние, от которого нет никакого толку. И если б не я, Рэд Шухарт, рыжий сталкер из Хармонта, жил бы сейчас этот ученый на свете, возился б с артефактами, и был счастлив. И Арчи жил бы. И еще многие люди, которых нет больше на свете.

Интересно, а есть ли вообще в Хармонте кто-то, кто не желает смерти Рэду Шухарту? Может, и нет. Но, так или иначе, нужно сделать то, что задумано. А дальше – хоть трава не расти...

* * *

По городу шел человек, гоняя в голове невеселые мысли. Его можно было понять. С тех пор как на окраине Хармонта обосновалась Зона, город напоминал больного, у которого доктора нашли доброкачественную опухоль. Вроде бы ничего страшного, живешь себе, занимаешься своими делами. Но при этом постоянно помнишь о том, что есть в тебе кусок перерожденной плоти, которая вроде бы как твоя, но в то же время и нет. И которая в любой момент может стать злокачественной.

А недавно опухоль дала о себе знать, осчастливив организм неслыханной благодатью для каждого жителя Хармонта. И тут же на город набросились доктора. Потому что счастье

для всех и каждого – штука заразная, которая если на другие организмы перекинется, то это будет уже эпидемия. Страшная болезнь, которая лечится только целебными ядерными грибами.

И сейчас для того, чтоб предотвратить радикальные меры, Хармонт и Зона, примыкающая к нему, были добросовестно обнесены колючей проволокой в три ряда, кордоном, усиленным пулеметными вышками, блокпостами и бронетранспортерами. Ну и, само собой, военных в город согнали – тьму-тьмушую. В глазах пестрит от камуфляжей, нашивок и разнокалиберного оружия. Правда, стрелять не в кого. Люди из домов выходят только за бесплатной похлебкой, которую военные в химзащите раздают прямо на улицах с полевых кухонь, прицепленных к броневикам. И называется все это «временными мерами, связанными с повышенной опасностью Зоны для мирного населения».

Но Шухарту было наплевать на броневики и военных. У него была цель, простая и очевидная. Ради нее Рэдрик слетал в другое полушарие планеты, прошел там через огонь, воду, плен, рабство и ранение, после которого не выживают. Но он все же смог остаться в живых и вернуться в родной Хармонт.¹ И сейчас сталкер шел к этой цели, до которой оставалось пройти всего ничего: два дома, потом направо во двор с покосившимся гаражом и облезлой подъездной дверью, которую давно пора перекрасить.

Его не узнавали – он все сделал для этого. На Рэдрике была мешковатая сталкерская толстовка с глубоким капюшоном, купленная в Украине, в маленьком городке неподалеку от тамошней Зоны. Почти все местные сталкеры носили аналогичные. Такой капюшон хорош тем, что закрывает уши и шею от «жгучего пуха», а лицо – от лишних глаз. Военные бросали на человека настороженные взгляды, но не останавливали. Может, потому, что многие жители Хармонта сейчас прятали лица за козырьками бейсболок и такими вот капюшонами: контакт глазами это всегда повод для окрика, за которым может последовать все, что угодно.

А, может, и потому они не обращали внимания, что Шухарт все еще сжимал в онемевшей руке бесценный артефакт, действие которого должно было давным-давно закончиться. Но Рэду очень хотелось верить в чудо – и пока что никто не окликнул его. Может, случайность, а, может, и нет – порой Зона щедра на подарки, словно скупая мачеха после пары рюмок хорошего коньяка.

Сталкер свернул в знакомый двор, мысленно моля Зону еще об одной милости, словно она была живым существом, способным услышать его. А вдруг услышит? Вдруг сбудется его маленькое счастье – не для всех, все до сих пор сыты им по самую макушку. Не для всех, только для него и трех единственно близких существ, дороже которых нет никого на свете?

– Помоги, прошу! – шептал Шухарт, направляясь к облезлой двери подъезда. Каждый шаг давался ему с трудом, ноги не шли. Ватными стали как-то сразу и вдруг. Но Рэд все равно переставлял их, с каждым шагом приближаясь к цели, ради которой он столько вынес...

До побитых ступенек оставалось всего ничего, когда подъездная дверь скрипнула и на пороге нарисовался управляющий.

С того времени, как Рэдрик видел его в последний раз, ничего в управляющем не поменялось. Как всегда помятый и недовольный, даже потертая курточка с пятном у кармана та же самая. Бывают такие люди, ничего их не берет. Даже если апокалипсис вселенский случится, только они и останутся. Будут ходить меж руин и скелетов, брезгливо пиная обожженные кости и кривя тонкогубые рты – мол, ничего не поменялось, что до катастрофы было все плохо, что после то же самое.

Правда, когда сталкер оторвал взгляд от ступенек и поднял глаза, в кислой физиономии управляющего случилась серьезная перемена. Глаза округлились, руки затряслись, на

¹ О приключениях Рэдрика Шухарта в украинской Зоне можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Пикник на обочине. Счастье для всех».

бледной, с прожилочками переносице мигом выступили капли пота, хотя день был вовсе не жарким.

– Ми... мистер Шухарт, – дрожащим голосом произнес управляющий. – Я... Я все делал, как вы сказали... Еду носил, воду... Каждый день носил... Они брали редко, но я все равно...

Рэд просто стоял и слушал, сжав в руке «сучью погремушку» с такой силой, что удивительно было, как ценный артефакт еще не рассыпался на молекулы. Управляющий сказал «они брали». Значит, теперь не берут. Значит, Гуты, Мартышки и отца больше нет в квартире на втором этаже. Или же они все еще там, но им больше не требуется ни вода, ни пропитание.

– Где они? – очень тихо сказал Шухарт, усилием воли подавив дрожь во всем теле. Потому что если сказать по-другому, это уже не вопрос будет, а рев звериный, нечеловеческий, страшный...

– Их забрали, – отступив на шаг назад и побледнев, произнес управляющий, хотя казалось, что больше бледнеть уже некуда. – В Институт аномальных зон... Тот, что раньше назывался Институтом внеземных культур... Я не знаю, что с ними было дальше. Туда забрали всех мутант...

Управляющий осекся и отступил еще на шаг, уперевшись спиной в косяк. Дальше отступать было некуда.

– Это ты их сдал, – тускло и скучно произнес Шухарт. Не спросил, а именно констатировал факт, как нечто само собой разумеющееся.

Управляющий смотрел на него, как кролик на удава, трясаясь всем телом и не в силах оторвать взгляда. Еще немного, и это существо наложит в штаны, а может, умрет от страха. Потому что даже если ты самая распоследняя сволочь, полностью уверенная в собственной правоте, все равно там, очень глубоко внутри себя сволочизм свой осознаешь. И боишься, что придут к тебе однажды, и спросят за всё по полной...

Но сейчас Рэдрику было не до этого слизняка. Конечно, надо бы его раздавить, но ведь потом от вони и гнили отмываться – это время нужно. А вот времени-то как раз у Рэда и не было. Потому что в знакомом старом Институте с новым названием кто-то решил, что семья Шухарта – это мутанты, подлежащие изучению. Что их можно держать в клетках, отрезая небольшие кусочки плоти для биопсии и других полезных исследований. А может, препарировать заживо, как лабораторных лягушек, наблюдая, как реагируют на боль те, ради кого Рэд готов был сам вытерпеть любые, самые страшные мучения.

Бежать было нельзя – внимание привлечешь. Поэтому Шухарт развернулся, надвинул капюшон поглубже, засунул в карманы трясущиеся руки и пошел знакомой дорогой, которой он ходил десятки раз, пока работал лаборантом в Институте внеземных культур. Идти, в общем-то, недалеко. Вышел со двора – и двигай себе прямо по дороге, пока в тот Институт не упруешься... Которому теперь не до внеземных культур. В котором нынче аномальные зоны изучают. И мутантов...

Шухарт сжал зубы, чтобы не завывать от бессильной тоски. И ему ясно, что сейчас охраняется тот Институт не в пример серьезнее, чем при капитане Вилли Херцоге. Наверняка оцепление, стационарная охрана на этажах, патрули по двое в коридорах. Ну, скажем, проникнешь ты, сталкер, внутрь, и даже своих найдешь. Вывести получится ли? И куда поведешь ты их, если даже выведешь? Но самое страшное: захотят ли они пойти с тобой, Рэд Шухарт? Помнишь, что тебе Гута сказала на прощание? «Уходи. И больше не возвращайся». А ты вернулся. Со счастьем в кармане, которое запросто может убить тех, кто не хотели больше видеть тебя рядом с собой. Получается, не для них, а для себя ты все это делаешь, Рыжий. Им же только горе приносишь, а сейчас, может быть, и смерть принес жуткую, болезненную, страшную, что покоится во внутреннем кармане твоей толстовки...

Рэд мотнул головой, словно это простое движение могло отогнать сложные, тяжелые мысли, скребущиеся внутри черепа, будто злые кошки. Да, всё так. Да, благодаря ему, Шухарту, город сейчас набит военными, словно заплесневелая буханка тараканами, а в старом Институте творится черт знает что. Но он не мог не идти. Не мог – и все тут. Пусть даже убьют его сегодня, но перед смертью он должен хотя бы увидеть своих. Хотя бы попытаться это сделать...

Сталкер настолько задумался, уставившись себе под ноги, что едва не налетел на «Кадиллак Скаут», раскорячившийся посреди улицы. В последний момент тормознул, и круто повернул направо, обходя броневик и не обращая внимания на взгляды двух морпехов, рассеявшихся на броне. Хлипкий кордон, отделяющий Хармонт от предзонника, сняли. Зачем он нужен, когда теперь и город, и Зона – одно целое? Теперь на месте снятого ограждения торчал броневик – впрочем, их теперь на каждой улице Хармонта было как вшей на сером рубище недавно умершего бродяги.

– Ишь ты, как его вштырило, – заметил военный, поправляя фильтрующую маску на лице. – Еще немного, и башкой борт бы протаранил.

– А что им остается? – пожал плечами второй. – Я видел такое раньше на подконтрольных территориях. Сначала они выкуривают все свои запасы травы, а потом начинают резать по ночам наши патрули. Мы же без команды не смей даже плюнуть в их сторону.

– Сволочи, шило им в задницу, – пробормотал первый, справившийся наконец с маской. И непонятно было, к кому относились его проклятия – к жителям Хармонта, или к начальству, не спешащему отдавать соответствующие команды...

Недовольные комментарии военного Шухарт слышал уже за спиной. До Института оставалось пройти совсем немного – вон его пятнадцатипятиэтажный главный корпус маячит за деревьями. Совсем чуть-чуть...

Рэд невольно ускорил шаг, даже сбившийся капюшон не поправил – не до того было, все мысли предстоящим заняты.

А зря не поправил...

Из-за угла дома, стоящего возле дороги, вышел подвыпивший мужик в потертой штормовке, на ходу выбивая из пачки сигарету без фильтра. Получалось у него это неважно, поэтому мужик забористо матерился. Но на этом его беды не кончились. После особенно сильного удара пачка вылетела из руки незадачливого курильщика – и шлепнулась прямо под ноги Шухарта.

Мужик матернулся еще раз, коротко и емко, как умеют только в Америке и в России, сделал шаг вперед, поднял глаза... и замер, забыв про потерянные сигареты.

Рэдрик невольно сбавил шаг – чисто для того, чтобы обойти живое препятствие. Но мужик – не смотри, что поддатый – ловко заступил ему дорогу. Был бы трезвый, может, поостерегся бы. А так полпинты виски, принятые на грудь, добавили смелости.

– Далеко собрался, Шухарт? – громко осведомился он.

– Отвали, Билл, – сквозь зубы процедил сталкер, делая очередную попытку обогнуть назойливого алкаша.

– Отвалить?! – взревел Билли, торговец рыбой с говорящим прозвищем Треска, протягивая руки вперед, чтобы схватить Рэда за грудки. – Ты Рябого, моего кореша закадычного, как собаку пристрелил, а мне отвалить?! Из-за тебя все мы словно проклятые индейцы сидим за колючей... ык...

Шухарту очень нужно было туда, к главному корпусу Института. А еще он не любил, когда кто-то тянул руки к его горлу, дыша при этом в лицо перегаром. Поэтому он мягко шагнул вбок, левой рукой отводя в сторону лапищи Билла, а правой нанося ему короткий удар под дых.

Габаритный рыботорговец мгновенно сложился пополам, став похожим на букву «г». Стоит себе, за живот держится, ртом воздух хватает и глаза пучит, изрядно напоминая при этом рыбу, благодаря которой получил свое прозвище. Сталкер же не стал дожидаться, пока Треске полегчает, обошел его и продолжил путь к своей цели.

– Видал? – ухмыльнулся морпех. – Ловко он его, с одного удара.

Напарник не ответил. Он задумчиво глядел на выцветший плакат, наклеенный на стене дома. На плакате была пропечатана отсканированная фотография с какого-то документа, под которой красовалась надпись: «Разыскивается особо опасный преступник Рэдрик Шухарт. За помощь в его поимке правительство США выплачивает премию 100.000 долларов. Внимание! При задержании соблюдать осторожность, преступник может быть вооружен».

– Тот алкаш его Шухартом назвал, – пробормотал себе под нос морпех, наконец сопоставив в голове информацию на плакате с произошедшим только что. После чего, с силой ударив каблуком по броне, сноровисто скользнул в открытый люк, попутно крича водителю:

– Заводи свою шарманку, Дик! Преступник уходит!

* * *

Рев двигателя за спиной заставил Шухарта обернуться. Дьявол, так и есть! Билли Треска переполошил военных. Теперь не то что найти своих в Институте, до самого Института добраться бы! Потому что бежать больше некуда. Потому что через несколько минут не экипаж броневика, а весь Хармонт будет ловить беглого сталкера. Рэд успел зацепить взглядом тот плакат на доме, а вот осознавал информацию уже на бегу, припустив по прямой, словно спринтер, идущий на мировой рекорд. Вилять, лавировать, «качать маятник» бесполезно. Если с «Кадиллака» синхронно ударят два танковых пулемета М73, лавируй, не лавируй, все равно останутся от тебя только клочки плоти, вряд ли подлежащие опознанию.

Но так как в объявлении не уточнялось, живым или мертвым требуется предъявить преступника властям, морпехам нужен был целый Шухарт. Поэтому вслед бегущему сталкеру полетели не пули калибра 7,62, а лишь слова, усиленные рупором:

– Рэдрик Шухарт, немедленно остановитесь! В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь на поражение!

Рев двигателя за спиной стремительно приближался. Но приближалась и рощица толстых вековых деревьев, растущая прямо перед входом в Институт.

«Если не выстрелили до сих пор, может, повезет!..» – пронеслось в голове Рэда. Силы стремительно заканчивались... но внезапно Шухарт понял, что может большее. Намного большее, чем обычный человек. И надал, ускорившись чуть ли не вдвое, вопреки законам нормальной человеческой физиологии.

Водитель броневика, вполне себе уверенный в том, что он вот-вот обгонит беглеца, поставит машину поперек дороги, а дальше уже парни в два счета повяжут сталкера, был весьма удивлен. Беглец внезапно рванул вперед с чемпионской скоростью и скрылся в роще. А машину, врезающуюся в ближайшее дерево, нехило трянуло, отчего водитель с размаху приложился головой о лобовое стекло...

Сзади трещала вековая орегонская сосна, падая и ломая по пути ветки соседних деревьев. Надрывался мегафон, грозя беглецу всеми карами земными, но Рэдрик бежал, лавируя между деревьями и не обращая внимания ни на что, кроме стремительно приближающихся распашных дверей Института, сработанных из тяжелого свинцового стекла.

Странно, но стационарного поста возле дверей Института не было. Шухарт лишь увидел пару патрульных, стоящих возле угла здания и в недоумении вертящих головами. Наверно, услышали вопли морпехов и сейчас сообщали, с чего это коллеги подняли такой гвалт по ту сторону небольшого парка.

«Хорошо, что стрелять не начали», – пронеслось в голове сталкера. Хоть и толстые деревья в институтской роще, непомерно и фантастично разросшиеся за годы после так называемого Посещения, а все ж шальные пули никто не отменял. Но, видимо, морпехи пожалели тратить боезапас, расстреливая сосны без гарантированного результата. А может, все-таки надеялись поймать беглеца живым.

– Надейтесь, – пробормотал Рэд, дергая на себя дверную ручку с местами облезшей позолотой.

В вестибюле охрана имелаась – двое сержантов-гвардейцев, при пистолетах и дубинках. Скромно, Шухарт большего ожидал. Хотя, если вдуматься, теперешние военные власти понять можно. Кому нужен старый Институт по исследованию того, что исследовать нереально? Особенно после того, как город объявили частью Зоны. Сейчас главное – периметр охранять, а Институт-то как раз внутри того периметра и находится. Так что поставили для острастки патруль, вышагивающий вдоль корпусов, да пару старых сотрудников охраны на входе – и ладно. Понятное дело, случись что – через пять минут по свистку сюда рота морпехов на броневиках примчится.

Но иногда пять минут это очень и очень много.

– Куда? – рявкнул щекастый гвардеец, сидящий за бронированным стеклом в бюро пропусков.

– Туда, – отозвался Шухарт, легко перепрыгивая через турникет. Пока эта толстозадая морда выберется из своего аквариума, можно будет пару раз вокруг главного корпуса оббежать.

А вот второй гвардеец, стоящий за турникетом, был персонажем гораздо более серьезным. Плечи квадратные, голова угловатая, кулаки кубиками. Будто с репродукции Пикассо сошел, что Гута на кухне повесила. Никогда та картина Шухарту не нравилась, как и люди с кулаками, смахивающими на урны для мусора.

Похоже, с такими габаритами охранник привык полагаться исключительно на собственную мощь – пистолет и дубинка, висящие на его поясе, казались игрушечными и абсолютно ненужными.

– Стоять! – рявкнул гвардеец, растопырив руки и став похожим на дрессированного гризли, собирающегося сплясать «сквэр данс». – Кто такой?

– Лаборант, – сказал Шухарт, с разбегу и от души нанося отработанный удар в квадратную челюсть. – Бывший.

Челюсть не только с виду оказалась знатная, это Рэд всей рукой почувствовал, от кисти до локтя. Пойди этот медведь не в охрану, а в профессиональный бокс, цены б ему не было. В такую репу стучать все равно, что мраморный памятник по морде охаживать.

Но в боксе на руки спортсменов надеты мягкие перчатки, а не стальные кастеты – любимое оружие Шухарта. И эффективно, если пользоваться умеешь, и выбросить не жалко после того, как чей-то портрет подрихтовал.

Гвардеец, не ожидавший эдакого сюрприза, рухнул на спину. Ничего, это не ножом и не пулей. Челюсть срастется, и будет как новенькая. Может, после этого ее хозяин одумается и подастся в бокс – оно всяко безопаснее, чем ловить сталкеров.

Однако сверху, со стороны широкой лестницы, ведущей на второй этаж, уже неся грохот подкованных армейских ботинок – и, судя по звуку, ног, обутых в те ботинки, было много.

Шухарт скрипнул зубами. Конечно, идея изначально была безумной. Гута, Мартышка и отец могли быть где угодно, на любом из пятнадцати этажей главного корпуса и в трех остальных зданиях, построенных позже и вместе составлявших институтский комплекс. Обшарить все помещения нереально, оставалось надеяться только на фантастическое везение и невероятную удачу.

Ни того, ни другого не случилось. Это лишь в плохих романах героям все падает с неба в виде плюшек и бонусов. В жизни чаще сверху падает дерьмо – или вот, как сейчас, куча гвардейцев, скатывающихся с лестницы вниз, гремя подошвами и оружием.

В подобных ситуациях всегда есть выбор, причем довольно богатый. Сдаться в плен. Броситься на охранников с кастетом наперевес, навстречу фантастическим звездюлям и очередному тюремному заключению. Или же попытаться скрыться – потому, что будучи непокаленным и свободным, ты еще можешь попытаться помочь своим.

И Шухарт выбрал.

Слева от него была еще одна лестница, ведущая вниз, в подземный коридор, соединяющий корпуса Института. Удобная штука. По крайней мере, была таковой в те времена, когда Рэдрик работал в Институте лаборантом. Поверху идти замаешься – пока все посты пройдешь, везде пропуска предъявишь, половина рабочего дня уйдет. А в подземной кишке никаких постов, только коридоры со стенами, обитыми стальными панелями.

Казалось бы, ход неочевидный. Гвардейцам и морпехам со своими рациями раз плюнуть заблокировать подземные переходы, замкнутые на четырех зданиях Института. Однако не все было так просто.

Дело в том, что некоторые панели сдвигались в стороны. За одними скрывались электрощиты и проводка, за другими – подсобки уборщиков с ведрами и швабрами, за третьими – небольшие отнорки с водопроводными и канализационными люками. Лицам, не имеющим отношения к обслуживающему персоналу Института, знать все это было вовсе не обязательно. Но плох тот сталкер, кто при первой же возможности не узнает всё о здании, где ему случилось работать. Особенно если это здание находится рядом с Зоной.

А Шухарт был очень хорошим сталкером...

Панель отъехала в сторону легко и бесшумно. Еще бы! Именно на нее Рэд несколько лет назад самолично потратил полтюбика лучшей силиконовой смазки. И смотри-ка, не обманул продавец, до сих пор стальной лист ходит как по маслу. Хотя, может, и заново кто промазал направляющие, да только вряд ли. Во всех храмах науки почему-то обслуга напоминает ученых, витающих в облаках между великими открытиями.

Но сталкеру было не до анализа причин своей маленькой удачи. Например, за столь длительное время могли замки в панели вделать – и тогда всё, амба, приехали. Извольте, господин Шухарт, получить прикладом в спину, ткнуться мордой в бетон и послушать формулу Миранды, пока на ваших запястьях затягивают браслеты. Или могло быть проще, без формулы. Например, прямо тут, в подвале, пуля в башку по каким-нибудь новым законам чрезвычайного положения, предусматривающим радикальные меры пресечения для особо опасных и, возможно, вооруженных преступников.

Проскользнув в образовавшуюся щель, Рэд осторожно задвинул за собой панель, достал из кармана маленький тактический фонарь и нажал на кнопку.

Узкий луч света выхватил из темноты крышку канализационного люка. Старую, тяжелую, с рельефным гербом города Хармонта, сохранившуюся еще со времен постройки первых этажей Института. Возле стены лежал короткий ломик – инструмент, необходимый для поднятия эдаких раритетных блинов из серого чугуна.

За спиной Шухарта раздался бодрый стук ботинок по бетону, приглушенный панелью. Сталкер послушал, как топот стихает, удаляясь вдаль по гулкому коридору, после чего подцепил ломиком чугунный блин и, поднатужившись, сдвинул его в сторону.

Из черной дыры в полу тяжело пахнуло сыростью, плесенью и дерьмом. Городская канализация соединяла и жилую часть Хармонта, и мертвые городские кварталы, давным-давно ставшие достоянием Зоны. Там, наверху, на запретной территории, могли происходить всякие необъяснимые явления. Но внизу, в разветвленной сети широких подземных труб, все было по-старому, ибо дерьмо есть субстанция, неподвластная ни космическим,

ни рукотворным чудесам. Именно отсюда, из институтского подвала несколько раз ходил в Зону Рэд Шухарт, когда еще был лаборантом. К слову сказать, хоть и вонючий это способ проникновения на запретку, но самый что ни на есть безопасный, если идти аккуратно, не наступая в темноте на хвосты крыс и ондатр, водившихся в канализации во множестве.

Беглец вздохнул и начал спускаться, перебирая руками и ногами осклизлые перекладины стальной лестницы. Он даже не попытался задвинуть за собой люк. Во-первых, это нереально, тяжелый он. И, во-вторых, даже если гвардейцы догадаются обшарить подвальные подсобки, хрен кто из них полезет следом. Потому что понимают – таким образом сталкер мог сбежать только в одном направлении. В том самом, куда ни один, даже самый отважный гвардеец или морпех не пойдет даже за очень солидное вознаграждение.

* * *

Слепой квартал – жуткое место. С ходу и не поймешь, почему у тебя мурашки по коже. Вроде дома и дома, только облупленные слегка, даже стекла в окнах почти нигде не разбиты. Правда, долго в эти окна пялиться не надо. Можно отражение увидеть, причем не своё, и умом тронуться запросто. Бывали случаи, когда неопытные сталкеры выбегали отсюда и неслись, не разбирая дороги и вопя во все горло... До первой патрульной пули, благо Институт с его бравыми гвардейцами – вон он, рукой подать.

Шухарт осторожно вылез из разверстого зева канализационного люка, крышку которого он свернул еще в годы своей недолгой лаборантской карьеры. Вон она, валяется рядышком, поросшая местным мхом, ядовито-зеленого, неестественного цвета. Не бывает в природе такой яркой зелени, будто этот мох из пластмассы отлили. Ну да ладно, на то она и Зона, чтоб были в ней всякие неясности типа такого вот мха и свихнувшихся сталкеров.

«Один из них я, например», – подумал Шухарт, брезгливо стряхивая с ботинок налипшие фекалии. Правда, занимался он этим недолго. Дерьмо не «ведьмин студень», не фатально. В отличие от всего остального, чем богата Зона.

Аккуратно обойдя яркие проплешины мха, Рэдрик осторожно выглянул из-за угла облезлого пятиэтажного дома.

Ну да, на первый взгляд все по-старому. Прямо – главное здание Института, рядом с которым расположились гаражи с «летучими галошами», «скорыми» и пожарными машинами. Тут же обширный институтский двор, справа от которого отгорожена отдельная площадка с вертолетом спасателей. Только что нет теперь плаката с выцветшей надписью: «Добро пожаловать, господа пришельцы!» Кто-то додумался его снять наконец. Потому что ему понятно – если причина аномальной активности Зоны все-таки в космических пучеглазых человечках, то вряд ли эти пакостники, местами порядком изгадившие нашу планету, читают по-английски. Уж больно их артефакты и аномалии чужды всему человеческому. Ну, а если Зона есть результат неофициальной деятельности правительства, то наличие такого плаката и давно указывает на слабоумие руководства Института. Ибо какое тут на хрен «добро пожаловать», когда количество пострадавших по милости Зоны и умерших в ней вполне соизмеримо с числом жертв хорошего локального конфликта.

Так, смотрим дальше. Слева – памятная дорога, по которой они с Пановым и Тендером однажды катались к гаражам. Справа – стеклянный киоск, детская площадка и наполовину рассыпавшийся бетонный забор, сразу за которым начинаются серые здания давно заброшенного завода. Интересная тема, кстати. Качельки, небольшая карусель, горка, сваренная из листов жести, – все это новое, будто только вчера покрашенное. А заводской забор развалился, словно его лет двести назад возвели из глины, а не из бетонных плит.

«Ну и ладно, – мысленно одернул сам себя Шухарт. – Нашел чему удивляться, будто Зоны раньше не видел. Никак, ностальгия настигла по прошлому?»

Рэд невесело усмехнулся. Ну ее, такую ностальгию. Как русский друг Панов погиб от «серебристой паутины», всё в жизни Шухарта пошло наперекосяк. Наверно, вообще не надо было трогать, ту «полную пустышку». В первый раз, как нашел ее, не тронул же. Будто подсказал кто внутри: «не лезь, не надо». Но то ли не послушался тогда чуйки сталкерской, то ли голоса Зоны, что по сути есть одно и то же. И получил по полной. До сих пор аукается, причем с каждым разом все сильнее и сильнее, по нарастающей, словно «слепой гром», в который влез по дурасти, либо по незнанию.

– В твоём случае, Шухарт, по дурасти, – негромко произнес Рэд. – И от жадности. Друга ты решил от тоски избавить? Ну да, и заодно премиальные поднять. Как русские говорят, двух зайцев убить. Убил. Две цели, дуплетом. Только не зайцев, а друга и собственную жизнь.

Сталкер куснул себя за губу, крепко зажмурился, слизнул капельку крови. Конечно, это не глоток коньяка, но помогло. Зона порой и опытных волчар морочит – на поговорить, и на совесть. Бьет по больному, из равновесия выводит. Да только хрен ей по всей территории, от кладбища до старого ранчо. Не за тем он, Рэд Шухарт, сюда приперся, чтоб от депрессии башку об стену разбить, или добежать до ближайшего подвала и той башкой в «ведьмин студень» макнуться. Другие у него цели, совсем другие.

И дорога другая.

После того, как в далекой Украине мутант из его тела извлек пулю при помощи «синей панацеи», что-то в сталкере изменилось. Не во внешности, нет. Пальцев не прибавилось и не убавилось, глаз тоже, и все остальное тоже на месте. Внутри что-то изменилось, а что – не понять. Например, с полчаса назад, когда его бронетранспортер догонял, очень хотелось Шухарту бежать быстрее. И ведь побежал, только что подошвы ботинок не оторвались. Или вот в «Борисполе», аэропорту киевском, при досмотре перед полетом домой, в Штаты. Чемодан сталкера только что не светился от артефактов. Ан нет, все прошло как по маслу. Пограничник как глядел на экран монитора не мигая, стеклянными глазами, так продолжал в него пялиться, словно статуя, пока сталкерский багаж просвечивался рентгеном. Может, так оно всегда в аэропортах. Может, эти специально обученные люди реагируют только на оружие, наркотики и портативные атомные бомбы, а артефакты из Зоны в Украине разрешены к провозу за рубеж, как сувенирные магнитики с видом на Майдан Незалежности. Но что-то подсказывало Шухарту – вряд ли. Случайностей в судьбе сталкера не бывает. И если все-таки происходит что-то неординарное, будь уверен – без Зоны тут не обошлось.

Но это всё домыслы по поводу возможных случайностей. А объективно – идти надо. К цели. Это Рэд только сейчас осознал, что на самом деле ему есть куда идти. Что не просто так он в Зону ломанулся. Здесь началось все, здесь и закончится. Только по-другому, не так, как раньше.

Шухарт прикрыл глаза, представляя себе не раз виденную карту. Так, сейчас он здесь, в Первом Чумном Квартале, за которым Второй и Третий. Относительно безопасный участок, фактически, прямая дорога к центру Зоны... которой ни один вмняемый сталкер не ходил уже много лет. Почему? Да очень просто. Потому, что те, кто пытался сделать это еще в самые первые годы после Посещения, не возвращались. И останков их никто более не видел. Ушел человек в Чумные Кварталы, и всё, с концами, будто и не было его. До Второго еще слышали голос по рации, правда, с помехами, мол, нормально все, иду свободно, как по Бродвею. А потом – раз! И тишина. Ни голоса, ни помех. Ничего. Как отрубило. Был человек, и нет человека.

В те разы, когда Рэд, дежуря в ночную смену, ходил сюда через институтскую канализацию, само собой, дальше Первого он не совался. Вылезал из люка – и потихоньку, по-пластунски, полз вдоль детской площадки, пока не упирался в первую вешку. Далее, конечно, были возможны варианты, но без фанатизма, аккуратно, по местам, от которых более-менее